

Дмитрий Емец

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ
БУДНИ

Университетские истории

Дмитрий Емец

Университетские будни

«Емец Д. А.»

2022

Емец Д. А.

Университетские будни / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2022 — (Университетские истории)

У литературы есть один закон: Надо увлечься самому и тогда ты увлечешь других. Если что-то очень хочется написать – надо взять и написать, и тогда и сам успокоишься, и материал будет хороший. Я до конца сам не понимаю, откуда взялись «Университетские будни». Когда-то я работал в университете на кафедре истории русской литературы лаборантом и писал краткие истории, частью злые, частью маразматические, частью абсурдные в духе Хармса. Со временем переработал их и возникли «Университетские истории» - первая часть «Университетских будней». Потом на ЛитРес вышли «Университетские истории» и надо бы остановиться, но материал горячий, интересный и истории все пишутся и пишутся. И еще я заметил, что сейчас в литературе самое важное ритм. Человек вечно читает на бегу и думает на бегу. И поэтому здорово, что истории тоже пишутся на бегу и возникают яркими вспышками.

© Емец Д. А., 2022

© Емец Д. А., 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий Емец

Университетские будни

Глава 1

ТАЛАНТЛИВАЯ СТУДЕНТКА

В университете появилась новая студентка.

– Художница? – спросил Щукин, присмотревшись к ней. – Талантливая художница, правильно?

– Откуда вы знаете? Я же никому не говорила! – испугалась студентка.

– Художница – это обычно красивая женщина с внутренней пластичностью бегемота. У большинства художниц скверный и тяжелый характер. Они все время докапываются, все время говорят: «А вот давайте все выясним до конца!» Быстро вспыхивают, долго нудят, но, если не обращать внимания, скоро остывают. Творчество – это такая разрушительная сила, она внутри кипит, требует: «работай, работай», а тут жизнь снаружи идет, всякие мысли, всякие занятия. Побочный эффект творчества – скверный характер. Если хочешь, чтобы художницы к тебе нормально относились, надо соблюдать два момента. Первый – никогда не говорить «рисуй!», потому что художницы ненавидят, когда им указывают, а это слово и так в них играет. И второе – не обращать никакого внимания на настроения.

Разоблаченная художница вздохнула.

– Как же все достали меня своей пронизательностью! Ладно, давайте я вам что-нибудь нарисую, – сказала она ворчливо.

ПАША

На пляже на маленьком стульчике сидит очень крупный мужчина. Он не столько высок, сколько широк. Живот, грудь, руки, ноги – все совершенно круглое. Сверху он похож на идеальный шар. Шар покрыт рыжей шерстью и татуировками. Не сразу можно понять, с какой стороны ты на него смотришь – со всех точек он примерно одинаковый.

Вокруг огромного шара пять или шесть девочек. Своими круглыми пальцами гигант с необычной ловкостью заплетает им косички. Потом оказывается, что одна из девочек слегка старше остальных. Это жена.

– Паша! – говорит жена воркующим голосом. – Как включается кастрюлька?

Паша мрачно сопит, заплетая жене косичку.

– Кастрюлька не включается. Кастрюлька ставится на плиту, – говорит он.

ФАИНА

У храма двадцать ступенек. Точнее, десять и десять. Между ними такой небольшой пролетик под крышей, вроде прогулочной веранды. Это лучшее обзорное место на всей территории храма. Отсюда можно обозревать весь двор. Каждое воскресенье на этом обзорном пятачке стоит Фаина – красивая величественная женщина. У Фаины восемь детей и муж Арсений.

Шесть младших детей Фаины бегают по территории храма, где есть качели и всякие горки, чреватые опасностями. Фаина – хорошая внимательная мать, но раз в неделю она поз-

воляет себе мелкие удовольствия. Главное ее удовольствие – поймать Арсения на том, что он плохой отец.

И вот, затаив дыхание, Фаина наблюдает, как Арсений – маленький, худенький и ловкий – бегаёт между детьми. Кого-то стаскивает с горки, кого-то сажает на горку, разнимает драки и т. д. Фаина терпеливо ждет. И вот, наконец, Арсений ошибается. Один ребенок, раскачавшийся на качелях, едва не задевает ногами другого по голове. Тот, кого едва не задела, садится на попу и на всякий случай орет.

Фаина счастлива.

– Опять в астрал втыкаешь? Зачем я за тебя вышла замуж? – кричит она на Арсения.

Арсений терпеливо вздыхает, успокаивает детей, приводит их во вменяемое состояние и ведет в храм на причастие. Фаина идет следом и ворчит. Завтра все изменится, они поменяются ролями, но сегодня день Фаины.

БАБУШКА НАДЯ

Доцент Воздвиженский сказал:

– У меня была бабушка Надя. Она работала на хлебозаводе мастером.

И у нее коронная фраза была: «А вот ты встань в три утра на хлебозавод!» Дочка начинает парить что-то такое сложное, с мотивами, с философией, с люблю/не люблю, со всякими сложностями и идеями, а она опять: «А вот ты встань в три утра на хлебозавод!»

Человек опять парит что-то сильно философское, с резонами, а бабушка опять: «А вот ты встань в три утра на хлебозавод!»

Работало ну просто на ура. После пятого повторения самый кипящий человек моментально смущался и успокаивался.

ФЕДЯ

Профессор Шукин летом уезжал в глухую деревню у реки и снимал домик у одного человека по имени Федя. У Феди было два свойства. Все глаголы он говорил матом. Ну не все, а процентов 40 точно. И смысл не терялся. И примерно половина существительных тоже была матом. И тоже смысл не терялся. Причем сам Федя явно не понимал, что матерится. Он так разговаривал. Аффиксы для мата у него были разнообразны. В городе таких точно нет.

Второе свойство Феди было то, что он все делал мгновенно.

Например, профессор Шукин говорил себе: «Надо бы купить бензина для моторки! А то вот моторка есть, а бензина нет!» и начинал мысленно настраиваться. Чесать шею, думать, где ближайшая заправка и т. д. А Федя вначале срывался и грузил канистры на мотоцикл, а потом только осознавал, что едет покупать бензин для моторки. То есть поступок у него опережал мысль о поступке.

Или Шукин думал: «Надо бы приготовить что-то поесть!» И ничего не готовил, а только начинал мысленно мобилизовываться на совершение этого действия, прекрасно зная, что ограничится бутербродами. А Федя вначале начинал чистить картошку и потом только понимал, что он – блина-малина! – оказывается, готовит еду.

Или Шукин говорил: «Хорошо бы починить забор!» и ничего не чинил, а Федя в этот момент уже бежал за досками, потому что мысль у него всегда равнялась действию и даже опережала его.

По темпераменту Федя был суперхолерик. Он даже ходить не умел, а умел только срываться и бегать. Деятельности он сменял мгновенно. Вот Федя на крыше. Вот Федя уже в гараже. Вот он на огороде. Вот Федя куда-то уехал. Вот он откуда-то приехал. Вот он с кем-

то поругался на улице. И вот он уже помирился. Вот он учит жену не смотреть в телевизор, а детей не сидеть в телефонах.

Из-за того, что Федя был суперхолерик, он вечно вступал с медлительными людьми (чаще с женой и детьми, которых у него было пятеро) в конфликты. Его бесило, что кто-то просто сидит и ничего не делает. И он начинал орать. Причем тоже без частей речи. Потом столь же быстро успокаивался, впадал в задумчивость (секунд на 10, что для него было рекордом) и, покачивая головой в полном недоумении, говорил Шукину: «Что-то я опять со всеми разос... разругался! И как так?» И цокал языком. И сразу же со всеми мирился. Но не извинялся, а как-то так мирился, поступками. «Иди велосипед сделаю!» – говорил он зареванному сыну. Или «На денег, в магаз сгоняй! Купи себе пиво и шоколадку!» – говорил жене.

Дети любили Федю, потому что он был добрый. Жена тоже любила.

Шукин часто думал о том, что хочет быть похожим на Федю. Или если не совсем похожим, но быть как-то поближе к Феде. Стать чем-то промежуточным между собой и Федей. Тогда было бы идеально.

НАТАЛЬЯ ВАДИМОВНА

– Вот что меня грызет, – сказал Шукин. – Я думаю, что я плохой педагог и воспитатель. Я могу много дать талантливому студенту, если он будет у меня брать, особенно в те минуты, когда я готов общаться, но я не способен преодолевать сопротивление тупости, лень или отсутствие мотивации. То есть если студент туп, то я ему сразу ставлю пятерку, чтобы он не захламлял мне аудиторию. Но это ведь нечестно, потому что, на мой взгляд, мотивации не имеют 70 студентов из 100.

А вот Сомов не так. У него сложно получить даже четверку. Как педагог, он так себе. Ничего сложнее учебника. Но он вытягивает эти 70 человек, и только мои 30 ничего у него получить не могут. Но они ведь могут и самообразованием заняться? Но это в вузе, а что в школе?

И вот я стал читать педагогическую литературу. Много прочитал. И там, в основном, только вода и высокие социальные цели – в нашей пед. литературе. Или голая дрессировка и лайфхаки с идиотскими примерами – в литературе американской. Один Януш Корчак интересен и очень много дал. Но он грустен и любит порой с тоской какой-то, с накалом печали и безысходности.

И тогда я просто стал вспоминать всех хороших учителей, которых я знал в своей жизни. Особенно Наталью Вадимовну, которая для меня образец учителя. Я учился в пятом классе, когда она пришла к нам в класс. Она была худенькая, пожилая, никогда не повышала голос, разве что иногда «звенела», потому что внутри были горячая. Класс, довольно хулиганский, выживший двух или трех учителей до нее, сразу как-то затих. В ней была твердость. Причем не от злости твердость, а от любви к предмету. Ты ощущал, что Пушкин, Лермонтов и русский язык – это что-то реально важное.

Вот ее качества, которые я запомнил:

1. Она всегда настаивала на своем и не давала бездельничать. Не терпела подлости, ябед и т. д., но к тем, кто проявил эти качества, относилась нормально, не мстительно. Т. е. ненавидела поступок, а не человека, который его совершил.

2. она любила свой предмет и ОХРАНЯЛА его от учеников. Ну как бабушка охраняет хрустальную вазу от слишком активного внука. И внук чувствует: «во! ваза-то, оказывается, ценность!» И начинает ее беречь. Ну или хотя бы уважать.

3. уроки у нее были расписаны поминутно и посекундно. Причем не на 45 минут, а минут на 49 – на тот случай, если вдруг класс окажется гениальным (никогда не оказывался). Она точно знала, что должно происходить на 31 минуте урока, на 18-ой, какой словарный диктант

будет с 9 минуты по 14-ую и т. д. Если кто-то опаздывал, она говорила: «Петров! Из-за твоего опоздания весь класс – все тридцать человек! – потерял 30 секунд. Мы теперь можем не успеть разобрать дополнительный вопрос!» И это был кошмар. Все начинали работать дико быстро, потому что эти невидимые часы все время словно тикали и надо было успеть:)

И еще все время говорила: «У муравьишки ножки болят».

КУТАЙСОВ

У Щукина был друг Кутайсов с кафедры языкознания, который долго жил в монастыре, но не монахом, а просто трудником. Потом он вернулся из монастыря и дальше стал изучать свой несчастный санскрит, но при этом отравлял всем жизнь вопросом: «Зачем?»

Например, захочет Щукин накачать себе такой пресс, чтобы об него доска ломалась, а Кутайсов скажет:

– Зачем? Ты что, от этого вечно жить будешь? В инстаграме фотку повесишь, чтобы тебя какой-нибудь Югов тебя лайкнул? Или какая-то непонятная тетя? Самому не противно? Смысл? Зачем это все?

«И, правда, – думает Щукин. – Зачем мне этот пресс? Гадость это и пустота».

И идет есть котлеты.

Или Воздвиженский задумает в очередной раз жениться, а Кутайсов ему такой:

«Ну зачем? Ну скажи мне: зачем? У тебя это все равно на пять минут! Да и чем женщины между собой глобально отличаются? Кто-то ворчит чуть больше, у кого-то ноги чуть длиннее, но это же все такие нюансы! Держись за ту, которая есть! Учись любви и терпению! Если первую любовь потеряешь, дальше только труднее.»

И у Воздвиженского сразу настроение портится, потому что ведь правда это все.

Или захочет Сомов купить себе новую крутую машину, а Кутайсов ему скажет:

«Ну зачем? У тебя что, старая машина плохая? Логика? Смысл? Зачем?»

Сомов хватается за голову.

«И, правда, зачем? – думает он. – Ну зачем мне новая машина? Я ведь езжу только с работы и на работу. Все равно в пробках стою. Да и вообще между „Тойотой“ и „Мерсом“ разницы никакой. Ну, может, кнопок где-то чуть больше. Но я ведь и на „Тойоте“ половины кнопок не знаю».

И настроение у него портится, потому что утрачивается смысл и цель. Он так «Мерс» хотел, а ему надежду убили.

По этой причине Кутайсова все терпеть не могли и сразу начинали убегать, как его увидят. Кутайсов вслед никому не бежал, но только по коридору гулко разносился его вопрос: «Заче-е-ем?»

Глава 2

МЕТОД СИДОРОВОЙ

Была в университете преподавательница Сидорова – маленькая большеглазая женщина. Все в жизни у нее было анекдотично и дико неправильно. Если надо кому-то ошибиться поездом или автобусом, то это будет Сидорова. Если утюг кому-то на палец ноги упадет, то тоже Сидорова. На все ужасы жизни она реагировала одним-единственным образом – рожала ребенка.

С соседями поссорится – родит ребенка. Не сможет кредит отдать – родит ребенка. Посмотрит турецкий фильм, где главную героиню зовут Айгуль – родит ребенка и назовет Айгуль. Будет Айгуль Сидорова, крещенная как Алевтина. Ну и другие поступки в этом же роде.

И непонятно было, как она вообще выкручивалась, но все как-то само собой складывалось, пусть криво и косо, хотя и раздражала эта Сидорова начальство довольно сильно. Нельзя было сказать, что Сидоров – хороший педагог или сильно умная мать. Она, например, считала, что Пушкина зовут Александр Петрович. Так и на лекциях говорила: «Александр Петрович Пушкин».

Профессор Сомов на нее накричит, за голову схватится, а Сидорова испугается, родит ребенка и уйдет года на три в декрет. Потом вернется, опять Пушкина Петровичем обзовет и ничего ей за это не будет, потому что она уже опять в декрете.

– Я чувствую, что стратегия выживания Сидоровой вполне определилась! – сказал профессор Щукин. – Она, конечно, бредовая эта стратегия, но чисто подсознательно ощущаешь, что из всей нашей кафедры одна только Сидорова на верном пути.

ДАША И ГЛАША

На кафедре фольклора было две аспирантки – Даша и Глаша. Обе кругленькие, румяные, не слишком стройные, но очень крепкие. В стиле «коня на скаку остановит». Когда ломался лифт, их вечно отправляли таскать с первого этажа на девятый песок и стройматериалы, потому что мальчики на кафедре фольклора были какие-то сильно фольклорные. Они обычно бежали перед Дашей и Глашей и открывали им двери, чтобы им легче было пронести мешки с цементом.

Даша и Глаша ныли, но не потому, что им было тяжело таскать мешки, а просто обидно. Что они, лошади, что ли?

Но в остальном Даша и Глаша были очень разные. Даша постоянно занималась само совершенствованием. Ходила в залы, пыталась сформировать идеальную фигуру, худенькую такую, с тонкими ножками, с осиной талией, такую, какую она сама себе мысленно нарисовала. Возможно из-за перетаскивания мешков по 50 кг, ножки у нее тоненькими не становились, щеки были такими же круглыми и розовыми, и Даша ходила все время злая. Даже Маргарита Михайловна ее не то, чтобы боялась, но лишний раз не связывалась.

Если ей попадался фольклорный мальчик, Даша плечом впечатывала его в стену. Потому что обидно же – ты формируешь идеальную фигуру, может, для него же, а этот гад тебя боится! Издали еще начинает дрожать и прятаться.

Глаша же относилась к своей фигуре равнодушно. В спортивный зал сроду не ходила. Была веселая. Ела все подряд. И, несмотря на то, что красавицей не была, всегда имела кучу поклонников и друзей.

– Смотри! – сказал Воздвиженскому Щукин. – Тут две психологические установки.

Установка Даши: «Я буду счастлива, только когда достигну пункта А». У каждого пункт А свой. У кого-то тонкие ножки и осиная талия, у кого-то диссертация, у кого-то еще что-то. Если же пункт А достигается, то человек все равно не становится счастливым. Он поспешно изобретает себе новый пункт А. Например, я должен купить квартиру и тогда уж... Потом достигает и этого, и снова ищет новый пункт А. И опять что-то не так. То есть идет установка на результат. А установки на процесс нет.

Установка Глаши: «Я буду счастлива уже сегодня и сейчас. И не буду заморачиваться!» Это установка на процесс. Тоже есть ряд минусов, но так однозначно веселее.

– А ты Глаша или Даша? Ну по установкам! – спросил Воздвиженский.

– Я Щукин, – сказал Щукин. – Ну и, наверное, немножечко Даша.

Воздвиженский подумал немного, погрыз карандаш и на листе бумаги написал:

«Спорт и ментальность. Как визуализировать и сформировать идеальное тело». – 999 руб.

«Как обрести уверенность и полюбить свое тело таким, какое оно есть». – 1000 руб.

– Чего ты делаешь? – спросил Щукин.

– Деньги для кафедры зарабатываю, – сказал Воздвиженский. – Идея такая. Студенты пойдут сначала на первый тренинг. Обязательно пойдут, уж я их знаю! Заплатят 999 рублей. Ничего не достигнут, спишут все на слабость воли и обязательно запишутся на второй. И тут уже все будет козырно, потому что беспроигрышно!

ЖЕЛАТЕЛЬНАЯ СИЛА

У доцента Кнопышева была творческая жена-скульптор. Она услышит, например, что где-то в тундре есть глыба гранита и уже не может успокоиться. Три дня не спит, срывается, едет в тундру в товарном вагоне. Идет десять дней по тундре, находит эту глыбу и внезапно осознает, что глыба весит 50 тонн. Ни вертолетом ее не вытащить, ничем. И вот она сидит у этой глыбы и плачет, что взять ее с собой нельзя, а Кнопышев ее утешает. Он ей и раньше говорил, что 50 тонн много, но жена, конечно, ему не верила. Пока сама не увидит – не осмыслит, что 50 тонн – это 50 тонн. И все равно жена от этой глыбы куски отковыривает и две недели болотами их тащит. Потом их в поезд с этими глыбами не пускают, а жена пытается их к крыше вагона скотчем примотать.

Кнопышев вначале пытался жену переделать, а потом привык.

– У женщин и детей очень сильная желательная сила, – говорил он Щукину. – Это рекламщики знают. Половина рекламы рассчитана на сильную желательную силу. Сейчас и сразу. «Захотела и купила» – одним словом. Глыба еще ладно, терпимо. А вот шкафы ночью собирать – это жуть... Или 150 км идти пешком за миксером, который все равно никому не нужен...

– Слушай, твоя жена, получается, как Федор Конюхов... 50 тонн по болотам... – восхищается Щукин.

– Да нет, она туризм ненавидит. Просто, когда глыба нужна, тут и комары не ощущаются, – говорит Кнопышев.

Глава 3

ТРЮШКИНА

Училась в университете студентка Трюшкина. Маленького роста, глаза горят, вдохновенная и курит трубку.

Однажды она пришла к профессору Щукину, когда он пил чай, и швырнула перед ним толстую папку с рукописью.

– Нате вам, читайте! – сказала она и толкнула стул, на котором сидел Щукин, ногой.

Профессор Щукин вытер с лица капли чая и послушно стал читать:

«А.Трюшкина. Фантастический роман „Последний феминист“.

Синописис:

22 век. Компьютерные игры нового поколения необратимо повлияли на мужской мозг. Все вновь рожденные мальчики умеют только разговаривать, относительно дружелюбны, но не способны научиться ни писать, ни читать. На всех правительственных постах женщины. В армии и полиции тоже только женщины. Мальчики учатся в особых школах, где все учителя женщины. С мальчиками все нянчатся и кормят их с ложечки. За одно и то же выполненное задание мальчики получают оценки выше, чем девочки, в силу того, что они хоть немного постарались. Мальчиков обучают простейшим навыкам и трудоустраивают на несложные работы. Денег за работу им не платят: взамен они получают компьютерное время.

Роман начинается с того, что у одной женщины рождается мальчик, который смог научиться читать и не подвержен влиянию компьютерных игр. Мальчик понимает, что должен скрывать свое умение от женского правительства, иначе будет уничтожен...

Внешность героя: голубоглазый блондин с темными бровями, мускулист, строен».

Профессор Щукин оторвался от рукописи и вернул ее Трюшкиной.

– Держи! – сказал он.

– Что, читать не будете? – мрачно набивая трубку, спросила студентка Трюшкина.

– Неа, – сказал Щукин. – Во-первых, внешность героя – жуткое клише. Что это за блондин, извините, с темными бровями? На какую это аудиторию? Во-вторых, как девочки получают оценки выше, если учатся в разных школах и программы, видимо, разные? В-третьих, жанр. Это не фантастика. Это реализм. Откуда взялся 22 век? Ты описала практически наш филфак.

СКИТАЛЕЦ КОРОБКИН

У Щукина был друг инженер Коробкин. Он по духу был скиталец. Работал только месяц в году на прокладке труб, зарабатывал какие-то деньги, а остальное время скитался. Тратил он очень мало и ему хватало.

Когда-то инженер Коробкин оказался в одной далекой республике. Там он заблудился в горах и чуть не умер от жажды. Крупа у него какая-то еще была, но с водой он не рассчитал. Потом вышел в долину. Там было много коров и совсем не было людей. На Коробкина набросились огромные псы и чуть его не разодрали. На крики приехал пастух на «Ниве» без номеров, стал стрелять по верх голов псов и спас Коробкина.

Так Коробкин оказался гостем небольшого народа. Этот народ Щукин и Коробкин потом нашли в википедии, он был очень маленький, и сам себя называл совсем не так, как его называла википедия. В большом мире об этом народе почти ничего не слышали. Он уже много лет

враждовал с другим более сильным народом, на современной территории которого проживал, и временами все его мужчины переходили на осадное положение, пока старшие все разруливали.

Коробкин провел у них два месяца. К нему пригляделись. Коробкин починил одному мужику трактор, другому тоже что-то починил. У него были хорошие руки. Все-таки он был инженер.

Однажды к нему подошел мужчина, которому он починил трактор и сказал: «Оставайся у нас! Женись на моей дочери. Она третьекурсница медицинского факультета, но мы ее забрали, потому что ей это вредит. Давай свой паспорт и телефон... Телефон – это как выкуп за невесту. А мы вам дадим пять коров, а потом еще дадим».

Коробкин посмотрел невесту издали, и она ему понравилась. Тихая такая, но глаза хитрые. Они даже о чем-то один раз разговаривали.

Коробкин согласился жениться, но ночью ему вдруг стало страшно, что придется отдавать паспорт и телефон, вдруг это хитрость какая-то с их стороны, и он сбежал. Шел дня три и вышел на трассу.

С тех пор прошло уже лет пятнадцать. Коробкин всем рассказывал эту историю. Больше с ним ничего интересного не происходило. Заметно было, что он очень страдает, что когда-то пожадничал отдавать телефон за невесту-третьекурсницу и за пять коров. И что где-то там, в горах, осталось его счастье.

– А что за телефон? – спросил Щукин.

– Нокиа 3110, – ответил Коробкин.

УСПОКОИН

Профессор Щукин взял кусок мела и подошел к доске:

– Я могу просто сформулировать, чем опасны телефоны! И почему любой человек с кнопочным телефоном и ноутбуком продуктивнее человека со смартфоном.

Вот смотрите. Для любого действия нужна волевая раскачка, волевое напряжение. Когда оно достигает критического уровня, человек может заставить себя что-то сделать. Не достигает этого уровня – ничего не делает или прикидывается больным и уставшим. Или действительно заболевает, потому что организм – хитрая машинка.

Теперь рисуем схему. Буква Д – это дела, которые нам предстоит сделать, а тире – это та самая воля, которая нужна для совершения действия.

Д _ Д _ Д _ Д _ Д _ _ _ Д

Мало палок – это значит дело простое. Ну там мусор выкинуть или чашку помыть. Воли надо мало. Много палок – дело большое и противное. Ну там курсовую написать или заполнить таблицу в сто окон. Чем больше палок – тем сложнее дело. Т. е. тем больше воли нужно на него насобирать.

А телефон – обозначим его буквой «Т» – замещающее усилие. Такой легкий наркотик. Порой человек между делами начинает втыкать в телефон как в «успокоин». И не достигает рывковой массы, потому что телефон сжирает волю. Нет перехода к следующему действию.

И получается:

Д _ Т _ _ Д _ ТТ _ Д _ ТТТ _ Д _ ТТТТТТТ и все. Конец песенки. Все новые _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ сжигаются этим ТТТТ и не достигается рывковая масса. И по факту «Д» очень мало, а «ТТТ» очень много. Т. е. пока чем больше слабеет воля, тем больше этого вялого замещения. И потом оно сжирает уже любую продуктивность.

ПРОФЕССИОНАЛЫ И ЛЮБИТЕЛИ

Доцент Воздвиженский сказал профессору Щукину:

– Чем профессионал отличается от любителя? Объясняю просто. Вот я художник-любитель. Я покупаю за 2,000 р. холст, за 3,000 р. масляные краски, за 4,000 р. раму. Пишу картину и продаю за 1,000 рублей, получив чистый убыток в 8,000 р. И совершенно счастлив до момента, пока человек, купивший картину, не признается, что ему надо закрыть дыру в обоях.

Профессионал находит в кладовке старый мешок, грунтует его и получает холст. Раму для холста обнаруживает на помойке, краски выменивает на шоколадку у девочки, которая не хочет ходить в художку, пишет картину и продает за 10,000 р, если не больше. У него уже все строго наоборот.

– Ну да, – сказал Щукин. – Это да, но этот второй вообще не профи. Это просто... гм... практик. Профессионал да, сделает то же самое. Какой-нибудь бэушный холст со своей же старой работой запишет по верху и кому-нибудь это впихнет. Но не это главное. Тут другая линия разграничения.

– Какая? – спросил Воздвиженский.

– Система ценностей, – сказал Щукин. – В ней не должно быть денег. Не в том смысле не должно, что не надо платить за съем жилья и продукты, от этого не отвертись, а вот именно как стимул для творчества.

– А как тогда отличать?

– Ну не знаю. У меня свой маркер. Называется «центр удовольствия». Если центр удовольствия – это само творчество, то человек – творец. Если граница удовольствия уже за линией творчества (деньги, слава и всякий прочий мусор) – это уже не вариант. Это значит, что человек скоро сдуется. Или будет чужие картины перепродавать в худсалоне, что выгоднее.

– Но почему тогда профессионал лучше любителя? Ведь любитель бескорыстнее.

– А тут уже другая штука. Профессионал больше верит в собственные силы. И у него выше опыт. Он просто пишет, пишет, пишет десятки холстов и было бы странно, если бы не приобрел навыка. А любитель вечно заморачивается, подозревает, страдает, считает стоимость кисточек и рам, но картин не пишет. Опыта не приобретает. Вот и вся разница.

Глава 4

ЖЕНЩИНА ПОГУБИТ ЧЕЛОВЕКА

– Воздвиженский! – сказал Щукин. – Помнишь, как мы с тобой учились на втором курсе? Мы говорили какой-нибудь хорошенькой девушке: «Женщина погубит человека!», дергали ее за ухо и убегали. И она за нами гонялась с радостными воплями. Давай скажем это Маргарите Михайловне, а она за нами погоняется.

– Ну не знаю... Это как-то необычно... Ну пошли! – уступил Воздвиженский.

И они отправились искать Маргариту Михайловну.

Ответственный секретарь кафедры Маргарита Михайловна, мастер спорта по классической борьбе, выясняла отношения с Ираидой Ахметовной, мастером спорта по вольной борьбе, ответственным секретарем кафедры обществознания. Спор шел из-за старого принтера, который стоял на одной кафедре, а потом почему-то перекочевал на другую.

Ираида Ахметовна весила всего девяносто килограммов, но была дерзкой, выносливой, техничной и отлично проходила в ноги.

Маргарита Михайловна провозилась с ней десять минут, но так и не смогла заломать Ираиду Ахметовну. Тогда, чтобы не потерять лицо, она схватила студента-политолога и прогибом через спину зашвырнула его в пространство. В ответ Ираида Ахметовна, которая в свою очередь тоже не смогла одолеть Маргариту Михайловну, поймала сразу двух мальчиков-филологов и тоже зашвырнула их в пространство. Остальные мальчики-филологи с писком разбежались.

После этого Ираида Ахметовна и Маргарита Михайловна обменялись огненными взглядами. Маргарита Михайловна забрала у обществознаетиков принтер и победительницей вернулась на кафедру истории русской литературы.

– Ну что, будем говорить ей: «Женщина погубит человека?» – шепотом спросил Воздвиженский у Щукина.

– Знаешь, давай завтра скажем! – сказал Щукин. – Она сейчас устала!

– Нет! – сказала аспирантка Лена. – Не так уж она устала. Просто вы ее боитесь. И напрасно боитесь! Просто мальчика-филолога обидеть может каждый!

Лена, несмотря на то, что была демократка, была очень добрая и жалела все бедное: птичек без крылышек, дрожащих котиков и мальчиков-гуманитариев.

МУЖЧИНЫ ВСЕ УМЕЮТ

Профессор Щукин сказал:

– Девушки делятся на две большие группы. Первые доверчиво дают тебе чинить свой айфон. В глазах у них слезы надежды. Даже когда ты заколачиваешь винтики в айфон кирпичом или скоблишь его ножом со следами рыбы, все равно в глазах у них слезы доверия и умиления. Они верят, что ты действительно им поможешь. Что ты мужчина, который все умеет, потому что мужчины все умеют.

Второй тип девушек – это которые всем всегда недовольны. И айфон берешь не так, и ватный диск не простерилизовал. И отвертка не такая. И лица ужасно кислые и мнительные, заведомо ничем не довольные.

Ежу понятно, что как в первом, так и во втором случае – есть у меня ватка или нету ватки – ничего глобально для телефона не изменится.

Но на первой группе мужчинам всегда хочется жениться, чтобы портить им дома мебель, вбивая в столешницу из ДСП гвозди, сажать на скотч плитку в ванной и так далее.

А для айфона результат все равно всегда один.

ШТАТИВ

Профессор Шукин покупал по авито штатив. Штатив стоил 1100 рублей. Штатив ему принесла к метро радостная девушка. Шукин осмотрел его. Нормальный штатив, все выдвигается.

– А зачем штатив продаете? – спросил Шукин.

– Да мне надо ребенка быстренько родить, а денег ну ваще нет! – сказала девушка.

– За 1100? – спросил Шукин.

– Да ерунда! У меня еще фотик на продажу выставлен! Че-нить придумаю! – сказала девушка и, махнув рукой, быстро умчалась куда-то.

СТАРЫЙ ДИВАН

Перед кафедрой в коридоре стоял старый диван. На диване сидели три румяные студентки и читали романы жанра хоррор.

– Слушай, – сказал Шукин Воздвиженскому. – Ты любишь читать ужастики?

– Терпеть не могу, – сказал Воздвиженский. – Я вообще не люблю чужих эмоций. Опять же я знаю многих зарубежных авторов, которые пишут ужастики. У них у всех общее свойство – они внешне похожи на рептилий и земноводных. Кто-то на змей, кто-то на ящериц, кто-то на жаб. Я подозреваю, что у них просто биологически заниженная чувствительность. Что-то с мозгом не так, короче.

– Я тоже не люблю хорроры, – сказал Шукин. – Но женщины вот любят. А почему?

– Ну женщины вообще любят пугаться, – сказал Воздвиженский. – Им даже отчасти полезно пугаться. Я заметил, что многие женщины настолько эмоционально малоподвижны, что очень нуждаются в любых эмоциях, даже симулятивных. Они могут совершить любое позитивное действие только в состоянии легкого ужаса. Мне кажется, чтобы современная женщина захотела, например, выйти замуж или родить ребенка, она должна лишиться работы, лишиться съемной квартиры, сильно напугаться и так далее. Но мне все равно противно, что вот сидит здоровая румяная студентка с круглыми глазами, а ее пугает заморская старая ящерица с большим мозгом.

ПРАВИЛА КОРПОРАЦИИ

Профессор Шукин и доцент Воздвиженский долго крались куда-то в ночи. Под ногами трескались битые стекла. Темный и страшный подвал хорошо охранялся. Все люди в подвале были в масках и дичились друг друга. Прожектора били на сцену, на которой стояла хрупкая девушка в маске клоуна.

В руках у девушки был микрофон, а голос ее разносился из всех динамиков.

– Американским книжным миром правит Голливуд, который лоббирует сокращение численности населения за счет всевозможных трансов и радуг. Но это не сработает, потому что Африка их кина не смотрит... В России же книжных миров два. Перым правят якобы умные якобы критики. У них толстые щеки и умные слова, но реальной власти нет, потому что народ за ними не пошел. Реально же российским книжным миром правим мы, книжные блогеры!

Итак, господа, правила корпорации! Если хотите быть с нами, запоминайте правила книжных блогеров!

1. Нельзя писать «мама» и «ребенок», а только «мамочки» и «ваши деточки»! Всякий раз, как вы сэкономили уменьшительный суффикс, вы лишились дохода!

2. усиливайте эмоции. Не пишите «я разозлилась, читая книгу Шпонькина „Как покорить женщину за три минуты“», а «Я рвала и метала, рыдала и хохотала, захлебывалась чаем и билась головой о стены. О, Шпонькин не покорит меня за три минуты, говорила я. Ведь я же гордая, я же не перейду по этой реферальной ссылке!» Ну и дальше раскручиваете тему, ни в коем случае не выкладывая фото Шпонькина, чтобы читательницы разочаровались только после покупки.

3. ну и главное, больше няшных картинок. Котиков мало не бывает.

Девушка вскинула руку с микрофоном и еще пять прожекторов скрестились на ней.

– Я понятно объяснила? Вы хорошо меня поняли?

– О да! – хором откликнулся зал.

ПЛАСТИЧНЫЕ МУЖЧИНЫ

Профессор Шукин сказал:

– Сегодня отправлял по авито свои методички. А там пункт боксберри в одном помещении с женской уходовой косметикой. И где-то час я там простоял. Теперь я точно знаю две вещи: в отделе с женской уходовой косметикой могут работать только очень хитрые, пластичные и очень спокойные мужики с железными нервами, потому что туда ходят не за косметикой, а помотать кишки. И второе: ни одна женщина в этом отделе не проработает даже суток. Не выдержит. Там такие игрища, такие психологические многоходовки – прямо хоть романы пиши! Зато, наверное, можно взять любого мужика из этого отдела и ставить его управлять любым женским коллективом. Он справится, потому что все уже познал в этой жизни.

– А я бы смог? – спросил Воздвиженский.

– Ты – да. Ну после некоторой тренировки.

Глава 5

ВЕЧЕРИНКА

Профессор Щукин и Воздвиженский сидели на вечеринке. Некоторые студенты вообще не пили, некоторые пили мало и неохотно, некоторые возбуждались и начинали вести себя бурно. Человека два уже спало, хотя вечеринка началась всего полчаса назад. Какая-то девушка рыдала.

Щукин выжимал гирю. Воздвиженский настраивал гитару, хотя играть умел только цыганочку и еще три мелодии.

– А ты вообще никогда не пил? – спросил Воздвиженский у Щукина.

– Ну почему? – сказал Щукин. – Иногда пил в гостях. Но я понял, что я от этого только тупею, а веселее не становлюсь. То есть нет фактора опьянения, а есть фактор отупения. А какой мне смысл сидеть трезвым, тупым и невеселым? И опять же я на следующий день обычно писать не могу, даже если выпью наперсток. Не то качество текста. И опять же я всегда за рулем, что тоже не способствует.

Но вот что я заметил. Женщины спиваются быстрее мужчин. Видимо, физические причины. Мужчины спиваются либо из тех групп, что спят, либо из тех групп, что все время бегают и болтают.

Есть люди, которые всю жизнь пьют, но не спиваются. Сидят у себя в конторах и твердо шлепают печати до 80 лет, изредка наклоняясь под стол и чем-то там булькнув. Другие после трех рюмок уже покатались и, дай Бог, чтобы они вовремя поняли, что им этого вообще нельзя.

Еще очень интересное наблюдение, что телефон – это тоже как алкоголь. Точно такая же зависимость, очень схожая по формам реакции. Если кто-то говорит, что телефон ему не вредит, то это те же люди обычно, которые уверяют, что никогда не сопьются и у них дикая сила воли.

ПРОСТОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Профессор Щукин сказал Воздвиженскому:

– Давай закроем сессию на «отлично» той девушке, которая сумеет выполнить очень простое поручение!

– Да я сам думал так сделать и с экзаменов свалить, но декан будет ругаться, что мы срываем сессию! – испугался Воздвиженский.

– Не будет! – успокоил его Щукин и громко сказал:

– Девушки! Надо спуститься с девятого этажа на второй. Там сразу у лифта будет черный сломанный стул. От него надо взять спинку и принести на кафедру!

Слова профессора перебудоражили ученический коллектив.

Мамаева стала гуглить, что означает спинка от стула по Фрейду.

Давыдова начала спрашивать, зачем нужна эта спинка и почему спинка.

Иванова отказалась идти за стулом, потому что она пришла в университет учиться.

Зюзина сказала, что она бы рада, но у нее слабые ручки.

Сидорова стала спрашивать: а зачем спинка от стула? Может, целесообразнее принести весь стул?

Симонова сказала: «Ща! Момент!», быстро собрала у всех деньги и заказала стул на али-экспрессе.

Гаврюшина принялась вызванивать какого-то знакомого, который сейчас в буфете, но захватит стул с собой, когда пойдет обратно. Знакомый был уже не в буфете, но она узнала у него телефон другого знакомого и так до бесконечности.

Апресян принесла со второго этажа три дивана, пять кресел, дверь от лифта и местного декана, которого она уговорила все это тащить, но спинку от стула забыла.

– Вот! – сказал Щукин Воздвиженскому. – Никакого риска для стула, сам видишь. Сессия не будет сорвана.

ЦАРИЦА

В университете была студентка Картузикова. В ней было столько веры в себя, смелости и бойкости, что все воспринимали ее как очень красивую. Она буквально царила.

Профессор Щукин восхищался Картузиковой. Он сказал:

– Каждый человек приходит на рынок жизни с товаром и лихорадочно пытается понять, сколько его товар стоит. Пятачок? Миллион? И все время сомневается в оценке. Иной раз и за пятак отдать готов и вовсе даром, а порой кажется, что и никаких денег в мире не хватит, чтобы его товар купить. И всегда в бонусе оказываются люди, которые за свой посредственный товар требуют высокую цену. Они сами в него верят и других в него верить невольно заставляют. Это передается воздушно-капельным путем.

– Но ведь Картузикова, действительно, не самая красивая, – робко сказал Воздвиженский.

– Ну, конечно, нет! – сказал Щукин. – Объективно она страшненькая. Но пока она верит в свою красоту – она действительно царица! Как только веру потеряет – всё разом обвалится. Поэтому терять ее нельзя. В том-то и секрет!

ВОРОНЕЖСКИЙ ПРАСОЛ

Очень хорошая книга Николая Скатова из ЖЗЛ про поэта Кольцова.

Кольцов был воронежским прасолом. Прасол – купец, который торгует скотом. Арендует земли, выкармливает на них скупленный скот, перегоняет, продает мясо, шкуры и т. д.

Понял, что есть такое понятие – народная ценность. Это нечто такое, что прошито в подкорке у каждого народа. Та мудрость, которую народ накопил за тысячи лет и благодаря только этому выжил.

Русская ценность – дети, земли, лошади, коровы. Это мерило богатства. В программе прошивки – что надо как можно больше земель, крупного рогатого скота и большую семью, которая будет жить вся в куче, не дробясь. Только тогда выживешь.

Чеховы все в куче жили, Кольцовы все в куче жили и т. д., Понятно, что ни в одной комнате, но все в куче. Флигеля строили и т. д., чтобы все в куче жить, хотя это, конечно, нервы и мотает, потому что характеры тоже бывают не сахарные.

При этом денег обычно ни у кого не имелось, даже у богатых купцов. Возьмите историю любого известного русского купца, и ясно станет, что как раз денег-то у него и не имелось. У лавочника сахар в кредит брал. А капиталы в работе все. Почему Чичиков не русский человек? Потому что он тяготеет к фикции, т. е. хочет капитал как таковой, денежный, а души у него мертвые. То есть Чичиков – он такой первый русский космополит, европеец.

Европейская и английская ценность – деньги. У них сознание монетизированное.

Например, в русском романе:

– Богатый барин! У него имение в Саратовской области десять тысяч десятин!

Английский роман:

– Этот лорд очень богат! У него сто тысяч фунтов!

Фунтов, не десятин! А земля-то у него вообще есть? Хоть что-то, кроме денег? Это уже абсолютно неважно. То есть национальная фиксация идет на деньгах.

Литература всегда фиксирует такие моменты, как честная фотография.

ПРОВОКАТОРСТВО ЧИСТОЙ ВОДЫ

Маргарита Михайловна временами начинала говорить о профессоре Сомове гадости. Это были не просто гадости, а какие-то совсем невероятные зашкаливающие гадости. Другие преподаватели входили во вкус и тоже начинали говорить о Сомове гадости, хотя и раз в пять меньше, чем это делала Маргарита Михайловна.

Маргарита Михайловна всё тщательно запоминала и при случае передавала Сомову, не скрывая, что и она его ругала. Даже пересказывала, как именно. Это было вполне в стиле Маргариты Михайловны: изругает человека, а через пять минут его обнимет и поцелует. А другие так не умели, и им от Сомова ужасно влетало.

– Слушайте! Ну это же провокаторство чистой воды! – возмущался Воздвиженский.

– Да нет! Это просто Маргарита Михайловна! – говорил Щукин.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ

Профессор Щукин сказал:

– Я много читаю последнее время по своей основной специальности – история русской литературы 19 века. Заметил, что сознание у русских писателей 19 века религиозно. Причем, самое интересное, что оно религиозно даже у самых больших атеистов – Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева и т. д.

– Ну да. Атеизм – это же тоже системная религия! – весело сказал Воздвиженский.

– Это да. Можно еще вспомнить, что все демократы 19 века – через один бунтующие семинаристы. Но тут не в этом даже дело. Что такое религиозность сознания? Это не вера как таковая. Это четкие ориентиры, куда бы они не вели. Это внятность, определенность, ясность. У Раскольникова, например, религиозное сознание. У первых революционеров-народников – религиозное, то есть четкое. Слово всегда равно своему значению, ни отвязано от него, как у любого современного гуманиста. Сказал «люблю» – значит любишь, увидел женщину – надо жениться или на худой конец просто чего-то добиваться, женился – сразу рожай детей, есть деньги – купил лошадь, есть немного больше денег – купил дом и так далее. Очень внятное, простое, структурное сознание. Почти ветхозаветное. Патриархи-то иудейские очень здравые пастухи были, мыслили очень практично: стада, источники, кого куда перегнать, какой скот забить, какой продать и т. д. Никакого парения сознания. Невозможно представить, чтобы кто-то из патриархов мог бы выдумать Бога. У них вообще не существовало воображения как такового – воображение это совсем иная грань сознания, не факт, что созидательная и нужная.

Сознание писателей перестает быть религиозным где-то в районе Чехова. Чехов – уже переломный, уже на грани. Можно, конечно, вспомнить «Святую ночь» или «Архиерея», но у Чехова уже это набегами, эхом. Все кто дальше – уже не религиозны. Порой мистичны, но мистика – это уже ни о чем, это пустой выхлоп, болтовня. Шмелев – да, но сколько ему по голове пришлось получать, чтобы все это проснулось. А так уже нет... Потом только в Шукшине начинает брезжить...

– А сейчас кто религиозен? Ну по сознанию, а не по вере, – спросил Воздвиженский.

– Будешь смеяться. Технари. Верят они или нет, их, конечно, дело, но сознание у них религиозно. Причем чем более точные технари, тем у них мысль больше связана с поступком. И тем яснее у них мысль.

ШКУРКА ЯБЛОКА

Профессор Щукин сказал:

– Культура – очень большая условность. Если представить себе весь народ как яблоко, то культура это как шкурка яблока. Очень-очень тонкий слой. Поэтому выгоднее работать не со шкуркой, а с мякотью.

Глава 6

ЧЕЛОВЕК ЭФФЕКТИВНЫЙ

Профессор Шукин и доцент Воздвиженский гуляли по Москве и разглядывали людей. Им было интересно угадывать их профессии.

– Я вот что заметил, – сказал Шукин. – Офисные работники всех народов и стран похожи. Ну как похожи все люди, которые занимаются одним видом спорта. Один тип фигуры, мускулатура, телосложение и т. д.

И офисные служащие примерно одинаково мыслят, имеют примерно одинаковые ценности, взгляды и т. д. Я много раз замечал, что наши офисники ничем глобально не отличаются от английских, американских, норвежских, любых. Могут быть разные убеждения, но не очень значительные. Ну как один штангист может любить розы, а другой не любить роз. Но это мало что меняет. И еще в офисной среде очень быстро распространяются разные духовные вирусы.

Это связано с тем, что офисный человек мгновенно подстраивается под среду. Это у него в крови. И еще офисники очень весомая сила, потому что у них деньги. И еще потому, что они быстро соображают в своей игровой горизонтали. И мало во что верят, потому что великие практики.

Я называю офисных работников «человек эффективный».

Мне кажется, в ближайшие сто лет все народы мира могут слипнуться в единую офисную кашу. И это будет глобальная жесь, потому что во всем мире тогда появится примерно одинаковое правительство. А то и вообще одно правительство во всех странах, потому что офисная среда постоянно структурируется и монополизирована. А глобальная монополизация – это мировое правительство и есть... И этот офисный вирус придет из больших городов, что много этих очагов инфекции.

РЕАКЦИЯ НА ДЕБИЛА

Профессор Шукин сказал:

– Я заметил, что когда сталкиваюсь с дебилем, я всегда начинаю выдавать провоцирующее поведение и начинаю его дразнить. А это неконструктивно, потому что дебил – это устойчивая конструкция. Его не передебилишь. Например, есть условный музей Градусникова. В музее один-единственный экспонат – первый в мире ртутный термометр, изобретенный человеком по имени Градусников. Этот музей Градусникова хочет, допустим, организовать встречу с детьми, которая совершенно тебе не нужна, потому что далеко ехать и детей там будет пять человек. Ты сдуру соглашаешься. Музей начинает с требовать от тебя сто сканов паспорта, фото его не устраивают, сто тысяч других справок, прививок и бумажек. Потом начинает требовать полный переречь всех мыслей, которые ты скажешь детям. Начинает требовать генеральную репетицию выступления на пять человек. А тебе ужасно хочется сказать, что директор музея – дебил. Но сказать этого нельзя. И в другой раз ты отказываешься сотне нормальных организаций из опасения, что там тоже будет такой дебил.

Мне кажется, культура и образование вообще загнутся, если не уменьшить количество начальства раз в пять.

– Глупость говоришь! – сказал Воздвиженский. – Сам представь. Ты директор музея. У тебя хороший оклад и один рабочий день в году. Ты боишься за свое место и стараешься вообще не принимать никаких решений. Любое решение – и ты слетишь. А тут кто-то из твоих

подчиненных проявляет инициативу. Ты пугаешься и начинаешь всех кошмарить. Вот и весь механизм. Тут надо или воспринимать это как кузницу терпения, или вообще в это не играть изначально. Лучше, наверное, воспринимать как кузницу терпения, потому что творческие люди очень капризны. Им кажется, что все в мире должно происходить в их интересах, а это заведомо опасный подход. Надо любую радость воспринимать как чудо и думать о директоре Градусникове, что он посылается для того, чтобы отколупывать от твоей души самодовольство.

УЙДИ, КАРТУЗИКОВА!

Профессор Щукин и доцент Воздвиженский писали работы по филологии. Слушала их только студентка Картузикова. Она была единственной из студентов-филологов последнего набора, кто хоть немного соображал. Щукин и Воздвиженский сажали ее на стул и, перебивая друг друга, вслух читали ей свои статьи.

– Зачем мы пишем? Для кого? – страдал Воздвиженский. – Для одной Картузиковой? Но она через три года выйдет замуж за француза, уедет из России, а через десять лет вернется и заявит, что французы на самом деле грубияны и жмоты и что Дюма ее обманул. Я все знаю наперед! Зачем нам вкладываться в Картузикову? Уходи отсюда, Картузикова!

Картузикова встала со стула и, рыдая, ушла.

– Тогда давай читать Маргарите Михайловне! – предложил Щукин.

– Еще чего! – заорала Маргарита Михайловна. – Из меня муж-вампир все соки выпил! Только вашего чтения мне не хватает!

Связываться с истощенной Маргаритой Михайловной было опасно. Она могла и зашить.

– Тогда давай читать народу! – предложил Щукин.

Они некоторое время искали в университете народ, но народа не нашли. Шлялась одна только загнивающая интеллигенция. Щукин и Воздвиженский поймали старенькую уборщицу, посадили ее на стул и стали читать ей свои статьи. Уборщица сидела на стуле и умилялась.

– Я бы послушала, но мне работать надо! – сказала она.

– Не надо вам работать! Воздвиженский за вас полы помое! – предложил Щукин.

– Еще чего! Не для того я восемнадцать лет учился, чтобы полы мыть! – возмутился Воздвиженский и пнул ведро.

Уборщица с укором посмотрела на него, вытерла грязную лужу и ушла.

Щукин с Воздвиженским опять остались одни со своими рукописями. Пробовали читать друг другу, но это был не вариант. Филологи друг друга не читают.

– Ну пошли тогда приманивать Картузикову. Пусть потом в воспоминаниях описывает, какие мы были гады! Надо создать ей творческий задел на всю грядущую жизнь в соцсетях! – сказал Щукин.

Они взяли шоколадную конфету, привязали ее на веревочку и отправились ловить Картузикову.

КУДА УБЕЖАЛ КОТИК

Доцент Воздвиженский вбежал на кафедру и, нервно улыбаясь, сказал профессору Щукину:

– Хочешь хохму? Я преподавал поэзию в доме детского творчества! Вчера прихожу на работу, а там сидит тетенька и говорит: «Я буду вместо вас теперь преподавать!» И начинает преподавать: «Детки! Придумайте героя и запишите в тетрадку, кого вы придумали! Если кто-то не придумал, пусть это будет добрый котик! Что добрый котик сделал? Куда он пошел?» И, главное, мамам ну абсолютно все равно, что я, что эти котики! Абсолютный железобетон!

Лишь бы дети их не трогали и можно было в телефонах круглосуточно торчать. Ну, короче, я оттуда свалил.

– Напрасно! – сказал Щукин. – Надо было бороться! У меня тоже есть два заклятых друга: Билл Грейтс и Сахарберг. Эти двое вогнали в амёбное состояние все человечество. Один придумал массовый компьютер, а другой придумал, как с помощью компьютера делать людей тупыми. Я поначалу сказал себе: «Ну если человечество такое глупое, так ему и надо! Разве не смешно будет, если эти две жалкие личности его угробят?» Это как с твоими мамочками и добрыми котиками!.. И как-то так легко стало, приятно на душе, что можно уже не заморачиваться... А потом я подумал: а ну как Бог меня спросит однажды, почему я никак не боролся с этими сволочами? И решил хоть как-то, но барахтаться. Получится, у меня хоть что-то или нет – неважно. Главное, что я старался...

Доцент Воздвиженский не слушал Щукина. Он ходил по кафедре и грыз ногти. Щукин придвинулся к нему и тихо спросил:

– Слышь, Воздвиженский, а куда котик-то пошел? Интересно же!

Воздвиженский подпрыгнул на метр и умчался прочь.

ТРИ ИГРОКА

Профессор Щукин сказал:

– Заметил, что эффективны только те структуры образования или культуры, в которых не больше трех игроков. Большие структуры, министерства и т. д. – это всегда болото. В них нет никогда крайнего. Если в каком-то учреждении 400 человек работает, никто никогда не будет знать, кто чем занимается. Будут переадресовывать бесконечно друг другу.

– Это к Сидоровой!

– Нет, Сидорова занималась этим до 01.01.21, а с 02.02.21 – это уже Иванова.

– Иванова? Какая Иванова? Я ничего не знаю!

Обычно такие структуры всегда возглавляются мистическим директором, который, по всеобщему представлению, и принимает все решения. Но по факту к нему все бояться обращаться, а потом выясняется, что он уже полгода на больничном или вообще непонятно где.

ЛЕСТВИЦА

– Слушай, Воздвиженский! – сказал Щукин. – Наши студенты не читали Иоанна Лествичника! Читали Пелевина, но не читали Лествичника! А это вообще базовая книжка. Я им сегодня рассказал про этапы собеседования с помыслом по Лествичнику, так они даже записывать стали. Короче, вот:

Первая стадия – прилог. Приходит мысль – часто дикая или случайная. Допустим, а «не съест ли мне банан с перцем?» Если на этой стадии быстро откинуть эту мысль в мусорную корзину – через мгновение все забудется. Это как чих в метро, но когда чихнули не на вас, а в сторону.

Вторая стадия – сочетание. Вы пугаетесь этой мысли, или начинаете с ней спорить. Начинаете навязчиво размышлять: «Банан с перцем... гм... нелепо... но, с другой стороны, гм... а если? Да нет, не буду...» и т. д. Мысль постепенно становится навязчивой.

Третья стадия – сложение. Согласие с посмыслом. Вы предпринимаете какие-то усилия, чтобы дойти до магазина и купить банан, потом перец, потом все это смешать, попробовать и т. д.

Четвертая стадия – пленение. Это когда вы все чаще пленяетесь бананом с перцем. Под конец уже даже никаких собеседований не происходит. Просто как инстинкт по Павлову. Перец увидел, банан увидел – и готово.

Пятая стадия – страсть. Это когда уже всё, финал. Поезд дальше не идет.

– Слушай, – сказал Воздвиженский. – Но на банан с перцем не подсядешь. Это вообще нереально.

– Да, – сказал Шукин. – Но замени его на что угодно. Не только на водку и курение, но вообще на любые виды зависимости. Что хочешь подставь. А Иоанн Лествичник – это 6–7 век. То есть реально в человеке с 6 века ну вообще ничего не изменилось. Главное, не надеяться на свои силы. Не считать себя сильным. Не размышлять, какая страсть для меня опасна, а какая нет. Или довольно быстро так тебя замусорит, что только хрюкать будешь.

Глава 7

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ

Профессор Шукин сказал:

– Почему так трудно быть всегда гостем. Особенно в первое время. Допустим, есть большая комната в офисе. В комнате пять человек. Кажется, что у них мир, дружба, жвачка. Но на самом деле у них, как у всех людей, вооруженный нейтралитет. Каждый знает, кому и куда нельзя подходить и чего нельзя делать. Если подойдешь к окну и попытаешься его открыть – будет кричать Иванова. Она боится сквозняков. А Протасова, наоборот, боится духоты. Поэтому окно открывать можно, но только на пять миллиметров. Это было установлено раз и навсегда во время Ивановско-Протасовских войн. Если попытаешься взять яблоко, то горе. Это яблоко Парфенкиной. У нее желудок переваривает только яблоки. Но вот тортик брать можно, Парфенкина худеет. И вообще она не жадная, ее жадность распространяется только на яблоки. Холодильник открывать тоже нельзя. Цветы поливает только Завьялова. Это ее цветы, хотя возле ее стола цветов нет. Она любит любоваться ими издали, а потом выливать в фиалку ведро воды. Но фиалку подарили ей, так что не проблема. Если снимешь с плечиков вот эту кофту – получишь по лбу. А вот эту кофту можно снимать. Даже ронять можно. Ее клиенты забыли лет сто назад – и никто не знает, чья она.

С этим нельзя говорить про то, с этим про это. И таких тонкостей миллионы. Чтобы к этому привыкнуть – нужно где-то полгода.

– Да-да! – воскликнул Воздвиженский. – Мне даже тошно иногда думать, какие мы все предсказуемые! У меня дома куча кошек и собак. И тоже у них все поделено. На аквариум нельзя – там Буся. На кресло нельзя – там Дуся. Под стол нельзя – там Вава. Дверью хлопать нельзя – Ричард будет истерить. А он старый и истерит всегда долго, часа по четыре, а потом болеет. Я к этому привык и у меня мир. Ну до момента, пока я случайно не попытаюсь сесть в кресло и не сгоню Дусю. Дуся случайно спрыгнет под стол к Ваве. Вава вцепится в Дусю и будет лаять на Ричарда. У Ричарда случится истерика часа на четыре, и весь кошачье-собачий мир придет в нестроение.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕЯ

– Давай придумаем государственную идею! – предложил Шукин Воздвиженскому. – А то у нас государство есть, а идеи нету!

– Как нету? – испугался Воздвиженский.

– А так нету. Ну какая у нас идея? Вот озвучь!

Воздвиженский задумался.

– Ну... э-э... – начал он.

– «Ну э» – это не идея! Идею нельзя не знать. Если хоть на миг задумался – значит идеи нет. Идея – это всегда три существительных. Или два. Раньше идея была «Православие, самодержавие, народность». А сейчас?

– А сейчас нету... – вздохнул Воздвиженский.

Шукин кивнул.

– Вот и я о том же. Нету. Я предлагаю: «Традиция, вера, единство». Слово «вера» не расшифровываем, хотя хотелось бы, конечно. Дальше «традиция». Надо позиционировать, что Россия – традиционное государство. Государство, которое традиционно стоит на защите семьи.

Государство, где запрещены аборты. Где можно скрыться от всемирных либералов. Где никогда не будет однополых пар и всего вот этого. Где любой нормальный европеец и американец всегда смогут найти убежище, если им неприятны процессы, происходящие у них на родине. Ну а «единство» тоже понятно. Одна держава. Мы должны стать сердцем мирового традиционализма и всячески повторять эти слова.

– Мечтай! – сказал Воздвиженский.

– Ну я и мечтаю, – отозвался Щукин.

ДЕТКИ

Студенты с каждым годом становились все тупее и тупее. Некоторые не умели читать. Некоторые не умели писать. Некоторые не умели ни писать, ни читать. Но все поголовно имели современные взгляды и сидели в телефонах. Щукин когда видел студента с телефоном, говорил ему: «Существо, подвинься!» Существо подвигалось. Оно даже не обижалось, не реагировало, потому что все равно находилось в постоянном мысленном опьянении.

Иногда Щукин жаловался на студентов декану. Декан смотрел на него сквозь очки и, отрываясь от телефона, в котором он лопал шарики, говорил:

– Ну что вы хотите? Да, детки немного глупенькие, но они же наши детки. Мы ж не пед какой-нибудь, нам нужна академическая наука... Вы, главное, помните, что лекции надо читать обязательно добрые, обязательно с гуманистическим смыслом. Вы им там скажите как-нибудь так: «Ну там Пушкин родился, что-то там сделал с гуманистическим смыслом, а потом задумался над судьбами человечества и написал „Горе от ума“»!

РАЗНЫЕ ВАРИАНТЫ

Доцент Воздвиженский сказал:

– Я понимаю, что очень спорно и куча исключений. НО:

Заметил сегодня интересный момент на выставке, где было около сотни частных кафе. И я наблюдал, кто, где и как работает. Если женщина толстая, смелая и активная, то муж у нее умный и хитрый. Он ее как пушку разворачивает, и она все за него делает. И детей тащит, и вообще сердце семьи. Мужу надо быть только умным и гибким, чтобы самому под танк не попасть. Если женщина красивая, то ее надо как рюкзак таскать и все за нее самому делать. Думать, разговаривать, мыслить. Но тогда главный уже ты. В общем, как говорится, каждый ищет свой вариант.

МИССИОНЕР КОТЛЕТОВ

В университете был историк-миссионер Котлетов. Он был очень красноречивый, знал это и этим гордился.

– Сегодня на лекции я докажу вам, что святой Неонилий – самый лучший святой! – говорил он и доказывал. Так доказывал, с такими деталями, с такой опорой на факты, что студенты начинали плакать.

Котлетов выжидал пять минут и говорил словно бы в сторону:

– А теперь я докажу, что святой Неонилий – так себе святой. Можно даже сказать, неважный.

И доказывал. До того доводил бедных студентов, что у них кулаки сжимались от негодования на святого Неонилия, который творил такие ужасные вещи. Котлетов наслаждался эффектом и удовлетворенно кивал.

– А теперь я вам докажу, что святой Неонилий, может, и хороший святой, но его никогда не существовало в природе, потому что он возник в результате неправильного перевода священных книг в пятом веке! – говорил он.

И доказывал. Студенты начинали хихикать, но Котлетов строго прерывал их:

– Но, с другой стороны, если святого Неонилия не существовало, почему же он встречается в семи других священных книгах третьего и четвертого века? Они тоже были переведены неправильно? Прямо так все семь книг?

Студенты трусливо замолкали, но тут обычно заканчивалась лекция, и Котлетов гордо удалялся, унося свой круглый животик в сторону буфета.

Профессор Щукин терпеть не мог Котлетова.

– Суть Котлетова в том, что он сам ничему не верит и заражает своим неверием других, – говорил он Воздвиженскому.

– Но он же опирается на факты! – говорил Воздвиженский.

– Факты – это как карточки! – сказал Щукин. – Поверь, что я тоже могу доказать что угодно, просто перекладывая карточки. Внутри всякой человеческой правды есть островки лжи. И внутри всякой человеческой лжи есть островки правды. Вслушайся, например, в тексты, которые произносят люди, когда ссорятся. Например, жена, которая в какой-то конкретной ситуации может быть не права, моментально переводит стрелки и начинает кричать: «А помнишь, я приготовила тебе супчик! А ты сказал, что он дрянь и вылил кастрюлю в унитаз!» Муж моментально теряет нить основного спора, переключается и женщина торжествует.

Тут надо видеть генеральное направление. Верит ли сам человек в то, что он защищает. И какая конечная цель. И тогда вещи приобретают совсем другой смысл. Ты видишь генеральную идею, генеральную линию и не отвлекаешься на мелочи.

Глава 8

ЗАКОН ЛИТЕРАТУРЫ

Профессор Шукин сказал:

– Закон литературы: живым ничего не дают. Но если живому что-то дали, значит, есть риск, что он уже все получил сейчас, даже с запасом, и ему ничего не дадут потом.

НЕДОВОЛЬНЫЙ ЮГОВ

Доцент Югов постоянно гадил университету и лил на него помои. Университет не такой. Кафедры не такие. Студенты не такие. Всё неправильно, все уроды.

Как-то на защите докторской, когда все преподаватели хорошо это отпраздновали, Сомов стал допытываться у Югов.

– Югов! Ну скажи правду! Какой тебе смысл гадить? Ну докажешь ты, что университет плохой и все мы уроды. Ну и что? Выгода тебе лично какая? Тебе дадут кафедру в Оксфорде? Чемодан денег? Португальский паспорт? Ну хоть что-то дадут или ты это бескорыстно?

Но Югов только икал, грозил пальцем, как бы желая что-то объяснить, но ничего сформулировать не смог и заснул.

ПАДЕНИЕ НРАВОВ ДОЦЕНТА ПАФНУТЬКО

В университете на кафедре физкультуры работал доцент Пафнутько. Боксер в тяжелой весовой категории и одновременно философ. Он вечно приходил на кафедру истории русской литературы, пил там чай по четыре литра сразу и жаловался на падение нравов:

– Вот женщины те другое дело! Никогда не слышал, чтобы одна женщина плохо отзывалась о другой! Если она и говорит гадость, то как-то вскользь, даже слушать ее неинтересно. А вот мужчины плохо как-то относятся друг к другу. Как-то, понимаешь, не трепетно, без всякой, понимаешь, нежности и заботы! Вот сегодня в кафе за соседним столиком сидели трое парней. И как они все выпендривались, как ключиками от машинок вертели, как все знали, как про жизнь рассуждали, как щеки дули! Ну такие все были крутые – прям хоть рядом не сиди!

– И ты подумал о падении нравов? – спросил Шукин.

– Нет. Я подумал: «А я вас могу всех вырубить!» – скромно ответил Пафнутько.

СПОР НА ДВЕ ПИЦЦЫ

Однажды Шукин, Маргарита Михайловна и Сомов поспорили на две пиццы, кто в кафе ни разу не посмотрит в телевизор. Не посмотрели только те, у кого телевизор был дома – Сомов и Маргарита Михайловна.

У Шукина телевизора дома не было уже лет двадцать, и он от телевизора вообще не отрывался. Смотрел всё подряд. И новости, и какие-то музыкальные группы, и сериалы. Совершенно выпал из беседы.

– Ну-ну, батенька! Совсем потерял иммунитет! – снисходительно сказал Сомов, протягивая Шукину счет.

СПИСОК НАСТРОЕНИЙ МАРГО

У Маргариты Михайловны было много настроений. Например, одно из ее настроений было: «Я хочу обидеться!» Другое: «Я хочу поругаться!» Третье: «Я хочу себя пожалеть!»

В такие дни она ходила по кафедре, хмурилась и произносила случайные фразы. Целью этих фраз было создать базу для вышеуказанных эмоций. Причем сама Маргарита Михайловна, разумеется, не понимала, что она хочет обидеться, поругаться или пожалеть себя, но все остальные это уже знали, ощущали это и начинали срочно разбегаться по любым придуманным делам.

На кафедре оставался только доцент Воздвиженский, который был ужасный дурачок и вечно ляпал то, чего ляпать не стоило. Например, он всякий раз пытался указать Маргарите Михайловне на нелогичность ее поведения, и всякий раз ему доставалось от Маргариты Михайловны по полной программе.

Воздвиженский стонал и жаловался Щукину.

– Да напрасно ты вообще в разговор влез! – говорил Щукин. – У тебя хоть раз в жизни получалось объяснить что-то женщине?

– Нет, – сказал Воздвиженский. – Наверное, я просто плохой оратор.

– Нет, ты хороший лектор и оратор неплохой, – успокаивал его Щукин. – Но есть очень хитрая штука. Называется «предварительное объяснение». То есть женщина знает уже все ответы заранее, а ты покушаешься на это ее знание. Мешаешь ей испытывать чувства. Вот и отгребаешь. А свои мнения она завтра и сама переменит. Ты просто сразу ощущай, куда Марго клонит, и сматывайся.

Дверь распахнулась от пинка. Подошла Маргарита Михайловна и стала слушать, о чем они говорят. Щукин и Воздвиженский торопливо замолчали.

Тогда Маргарита Михайловна вздохнула и произнесла:

– Вы думаете, это я больная? Это вы двое сильно здоровые!

Щукин и Воздвиженский молчали. Маргарита Михайловна еще раз вздохнула, толкнула дверь и ушла.

БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Профессора Щукина попросили провести семинар для писателей. Он пришел и сказал: – Есть семь базовых элементов, завязанных на инстинкты и околоинстинкты. Это:

1. еда (кулинарные книги);
2. размножение (ромфант, любовный роман и проч.);
3. здоровье («Морковный сок как рецепт долголетия», «Мой друг кишечник» и т. д);
4. любопытство \ книги типа «как все устроено» или энциклопедии животных;
5. любопытство со страхом \ книги ужасов;
6. книги-мотивации \ книги про спорт и мотивацию \ истории успеха \ лайфхаки;
7. Книги, нарушающие любые табу.

Любая успешная книга – это выстрел в один из инстинктов. Это уже давно поняли и западные писатели, и наши. Но западные особенно хорошо поняли. Они хорошие математики и все делают по правилам, а когда по правилам работаешь – это всегда в целевую аудиторию попадает. Но, правда, 90 процентов книг все равно мертвые, потому что писатель симулирует. То есть пока книга в целевую аудиторию летела – она где-то по дороге подохла, но читатель может и не заметить, если не особо опытный.

Пятый и седьмой типы книг, на мой взгляд, вредны. Седьмой тип – самый скверный тип. В нем создается наибольшее количество опаснейших романов. Писатель – это обычно хитрое

и умное существо, часто с заниженным или завышенным болевым порогом, поэтому в седьмом типе он довольно успешно может поломать любой среднестатистический мозг. У писателя заразится режиссер, он обычно лучше визуализирует и способен больше страсти добавить – и пошло-поехало. Вырастили духовный вирус.

– А есть какой-нибудь тип заведомо хороших книг? – спросил Воздвиженский.

Щукин пожал плечами.

– На самом деле всякая действительно хорошая книга – загадка. Никто не знает, как она прозвучала, зачем, как. Вычленив все элементы сложно, но некоторые перечислить можно.

Это:

1. Искренность. Из искренности обычно вытекает вера, но тут сложный элемент. Лучше не обсуждать.

2. Ориентация на правдивое описание того, что ты видишь без его назойливой оценки. Истина сама вытекает, если писатель стремится быть правдивым.

3. Конкретные жизненные истории. Берешь реально известного тебе человека, часто совсем неприметного, дядю Петю из котельной, и описываешь его во всей его сложности. Это почти всегда создает удачный рассказ. Читатель видит, что писатель не красуется перед ним, а просто доносит правду. Пример такого писателя в жанре рассказа – Шукшин.

4. Можно двигаться вглубь от Шукшина – описывать ни одного человека, а историю целого рода. Пример – «Война и мир». Изначально все герои Толстого – это реально существующие люди: Берсы, Волконские и т. д. Реальные истории реальных людей, потом, конечно, усложнившиеся.

5. Можно идти от Шукшина вглубь, но не столь глобально, а немного уклониться от реализма. Тогда будет «Прощание с Матерой» Распутина.

В общем, надо ориентироваться на правду, но правду не как на подбор окрашенных фактов, а именно на жадное наблюдение жизни. Ну как художник, который рисует скетчи и набрасывает людей в метро. Больше, больше людей и набросков. И все получится.

КРОЛИК

Доцент Воздвиженский сказал:

– У меня на даче живет кролик. Ужасно самодовольный кроличий мужчина. Усы, уши, мужские стати – ну самый крутой! Считает себя хозяином жизни, самым мудрым. Видели бы вы его морду, когда он жует траву! Натуральный академик! Гений!

Но я всегда могу его перехитрить и загнать в клетку, хотя кролик никогда не верит, что я могу это сделать. Смотрит на меня так, словно я debil какой-то, а он всё контролирует!

Воздвиженский нервно хихикнул.

– Но я, конечно, подавляю его своим интеллектом! А потом он оказывается в клетке и не понимает, где допустил ошибку! Он же всё же сделал правильно! Всё просчитал. А я его то коробкой накрою, но каким-то звуком отвлеку и схвачу, то морковкой заманю. А он такой... блин!... но я же всё прочитал! Но такой фактор анализа, как наброшенная мне на голову футболка мне бы и в страшном сне не привиделся!.. Ну ничего! Вот в другой раз я точно всё просчитаю!

– И что? – сказал Щукин.

– А то. И вот я все чаще думаю, что я тоже такой же кролик. Считаю себя умным, все контролирующим, всё знающим наверняка, разве что траву не жую, а Бог смотрит на меня молча и молчит. А я такой: «Ну объясняй мне, объясняй!» А он молчит!

Глава 9

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

Профессор Щукин сказал:

– Читаю библиографический словарь XIX века в двух томах. Там огромное количество писателей. Наверное, больше 500. Количество демократических писателей по отношению к консервативным – 9 к 1. Т. е. почти все были демократы. Но реально остались в истории литературы только консерваторы.

Лесков, Толстой, Достоевский, Пушкин, Гоголь – консерваторы, империалисты, государственники, монархисты... В общем, жуть.

Из демократов остались Тургенев, Салтыков-Щедрин, Некрасов. Причем Салтыков-Щедрин – вице-губернатор, Тургенев – аристократ (барыня из «Муму» – это его мама), у Некрасова коллекция охотничьих ружей больше, чем в Русском музее. Т. е. демократы все-таки такие, нашего разлива.

Т.е. в литературе надо быть консерватором. Консерваторы в литературе – это фундамент, а у фундамента коэффициент выживаемости выше, чем у стекла.

СМЕШНАЯ ИСТОРИЯ

– Смешная история, – сказал профессор Щукин. – Когда-то мне было двадцать два года, и я работал на телевидении. Даже не совсем работал, а был практикантом и сценаристом заодно. Однажды я сидел в комнате, а там десять важных начальников обсуждали, какого цвета платок должен быть на ведущей. Тридцать минут это обсуждали. На полном серьезе, с выпученными глазками. Я все пытался понять, издеваются они или нет. И от нечего делать я стал что-то писать на листе бумаги. Увлёкся, искренно так писал.

Видимо, на лице что-то такое отразилось и самый главный начальник спросил у меня, что я делаю.

– Я тут придумал генеральный план развития вашего канала на два года вперед! – сказал я радостно. – Пять проектов передач и другое всякое по мелочи. Короче, вам все это нужно будет сделать! Можно я покажу?

– Завтра покажешь! – сказали мне.

Но назавтра оказалось таинственным образом, что я уволен. И я понимаю отлично, где я ошибся, но я всегда эту системную ошибку совершаю. Она моя базовая.

ДОЛГОЕ ДИНАМО

У доцента Воздвиженского была невеста. Потом у них что-то слегка разладилось. Невеста стала говорить ему: «Позвони мне в следующую пятницу. Может, мы встретимся с тобой через две субботы, если у меня будет настроение».

Потом она стала говорить ему: «Позвони мне месяца через два.» Потом стала говорить: «Позвони мне через годик! Может, я определюсь, люблю я тебя или нет».

Воздвиженский жаловался Щукину.

– Глупо! – говорил он. – Такие отношения меня ужасно путают. Я не понимаю, есть у меня невеста или нет. Свободен я или нет? Если я свободен, я вправе кого-то искать дальше. Но вдруг я драматизирую и порю горячку? Она же не говорит «нет», то есть, может, невеста

у меня все же есть? Может, я ее сейчас брошу, а пройдет семь месяцев и она меня горячо полюбит? Может, я развожу панику?

– Да нет, – говорил Шукин. – Это всё вариант долгого динамо. Не полюбит. Если долгое динамо, то надо набраться храбрости и искать дальше.

– Нет, – говорил Воздвиженский. – Надо еще потерпеть. В следующий раз я позвоню ей через месяц. Если ничего не изменится, тогда вот уже точно... А так и невесту потеряешь, и ничего другого не найдешь.

Шукин хмыкал. Этот месяц тянулся у Воздвиженского уже третий год. Но, видимо, такой вариант устраивал и самого Воздвиженского, поскольку позволял ему ничего не делать и ничего не менять.

ХРОНИЧЕСКОЕ КАПРИЗОНСТВО

– Вот какой вопрос меня волнует! – сказал доцент Воздвиженский. – Я пишу статьи по творчеству Пушкина. Если я пишу эти статьи для себя – это одно. Тогда это так, развлекушка. Если я пишу их для человечества, то человечество должно мне хоть немного помогать. Но оно мне никак не помогает. Э? Что скажешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.